

М.В. НОЖЕНКО

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ?

В последние два десятилетия XX в. было сделано множество прогнозов относительно печальной участи наций и национальных государств в глобальном мире. Многие видные ученые утверждали, что национализм если не исчезнет полностью, то однозначно окажется на «вторых ролях» в социальном, политическом, культурном и экономическом пространствах грядущего столетия. Однако прогностическая ценность такого рода заявлений оказалась не очень высокой.

В данной статье речь пойдет о представлениях о нации в современном мире. Я попытаюсь дать ответы на следующие вопросы: Что такое национализм и можно ли рассматривать его как идеологию? Какие представления о нации сложились за предыдущие два столетия? Какова судьба представлений о нации в современном мире?

При этом для описания тех трансформаций, которые претерпевают представления о нации в современном мире, в работе используется «европейский материал». По мнению большинства исследователей, национализм является «европейским изобретением», поэтому именно здесь эволюция представлений о нации наиболее очевидна.

Что такое национализм?

В отечественных научной и политической традициях, начиная с советского периода, термин «национализм» имеет сильную оценочную составляющую. Под ним зачастую понимаются поли-

тика и идеология, направленные на утверждение превосходства какой-либо этнической, культурной и / или исторической общности. Как отмечал А. Миллер, в советское время в результате «индоктринизации языка была создана устойчивая конструкция, которая жестко навязывала оценочный элемент... за счет фиксации такого рода оппозиции: патриотизм – национализм, интернационализм – космополитизм» [Миллер, 1995, с. 55].

В ряде других европейских стран также существует негативное отношение к понятию «национализм». Данный термин, изначально содержащий в себе зерно прогресса, был дискредитирован нацизмом и расизмом. Изначально национализм представлял собой прогрессивное *движение*, возникшее на рубеже XVII и XIX вв., наделенное «объединительной и освободительной силой». С его помощью были разрушены «замкнутые территориальные образования, основанные на общности религии, диалекта, обычаев или клановой близости», на месте которых возникли более устойчивые системы – национальные государства, обладающие «централизованными рынками, администрацией, системой налогообложения и образования» [Смит, 2004, с. 20].

Таким образом, сначала национализм способствовал отходу от феодальных порядков, подрывая династические государства и провозглашая суверенитет народа. Однако во второй половине XIX в. кризис прежнего миропорядка в сочетании с усиливающимися разногласиями между «влиятельными группами населения» и утратой «веры в традиционные нравственные системы» (включая упадок «религиозного авторитета») привели к появлению активистов, политизировавших существовавшие языковые и культурные различия [Хрох, 2002, с. 129]. Силу начали набирать *национальные движения*, требующие политической автономии, желательно в форме суверенного государства для той или иной общности.

Возникла новая форма национализма – официальная, которая «сложилась исторически как реакционный ответ на народные национализмы снизу, направленные против правителей, аристократов и имперских центров» [Андерсон, 2001 b]. Официальные национализмы являлись попытками совмещения нового типа легитимности с монархической властью и представляли собой *политику унификации* по «стандартам» той культурной общности, к которой стали причислять себя правящие династии. Классический пример – политика русификации. Аналогичным образом «Лондон

пытался англоизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский италоговорящей Корсике (частично добившись успеха)» [Андерсон, 2001 b]. В большинстве случаев попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями» не увенчались успехом, поскольку, по меткому выражению Б. Андерсона, представляли собой «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи» [Андерсон, 2001 a, с. 108].

После большевистской революции в России и заключения Версальского мира изменилась политическая карта Европы, и были заложены основы для формирования «мира самодостаточных и уверенных в своих силах этнических наций» [Смит, 2004, с. 20]. Однако и эти нации «отошли в тень под влиянием более страшных форм национализма, апеллировавших к понятию „расы” – к форме черепа, крови и генам, а также к насилию и культуре жестокости». Национализм предстал в виде *идеологии* и уже во второй половине XX в. «смешался с темными силами фашизма, расизма и антисемитизма» [там же, с. 21].

Таким образом, национализм в разные исторические периоды выступал в качестве движения, политики и идеологии, что существенно затрудняло как анализ данного феномена, так и формирование некоего консенсуса в сообществе исследователей. Например, в одной из своих работ Э. Хобсбаум «сравнил национализм с облаком, которым Гамлет дразнил Полония: при желании в нем можно увидеть верблюда, хорька или кита, хотя на самом деле оно не является ни тем, ни другим, ни третьим». Для него национализм изменчив подобно облаку, поскольку «в XX веке он уже не тот, что был в конце XVIII века» [Хванова, 1994, с. 44–45].

В англоязычной научной традиции, где понятия «нация», «национальное» и «национализм» не имеют негативной коннотации, можно обнаружить несколько различных определений термина «национализм». Так, с точки зрения Б. Андерсона, национализм – это «наша *идентификация* (курсив мой. – М.Н.) с жизнью и надеждами неисчислимых миллионов, которых мы никогда не узнаем, с территорией, которую мы никогда не посетим целиком» [цит. по: Коротеева, 1999, с. 25]. Основопологающим постулатом поздних взглядов Э. Геллнера является утверждение,

что национализм представляет собой *принцип*, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать [Геллнер, 2002, 2004]. Схожую позицию занимал и Ч. Тилли, выделяя два типа национализма: управляемый государством (*state-led nationalism*) и стремящийся обрести собственное государство (*state-seeking nationalism*) [Tilly, 1994, p. 133].

Дж. Бройи рассматривает национализм как *политику*, покоящуюся на трех убеждениях: (1) «существует нация – конкретная группа», обособленная от всех остальных сообществ; (2) «объектом политической идентификации и лояльности в первую очередь и главным образом является нация»; (3) «нация должна иметь политическую автономию, лучше всего в форме собственного государства» [Breuilly, 1994, p. 204]. На практике эта политика реализуется двумя решениями: введением института гражданства и выделением коллективной сущности общества, что позволяет соединить логически противоречащие друг другу понятия нации как объединения граждан и культурной общности [Бройи, 2002, с. 225]. Для Э. Хобсбаума национализм представлял собой «*политическую программу*», целью которой является формирование нациями государств «того стандартного образца, который утвердился со времен Французской революции» [Хобсбаум, 2002, с. 334].

Можно ли однозначно рассматривать национализм как идеологию? Некоторые исследователи дают утвердительный ответ на этот вопрос. Например, В.С. Малахов считает национализм политической идеологией, «в которой нация, понимаемая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти» [Малахов, 2005, с. 39]. На мой взгляд, в современных условиях рассмотрение национализма как самостоятельной идеологии имеет ряд ограничений.

Во-первых, в реальности только весьма небольшое количество стран сейчас соответствует определению «национальное государство», если принять во внимание положение о культурной гомогенности. Например, на территории Европы лишь два крупных государства – Франция и Турция – отказались подписать и ратифицировать Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств Совета Европы, мотивируя свой отказ отсутствием меньшинств на своей территории. Все остальные страны (за исключением карликовых Андорры и Монако) эту концепцию ли-

бо подписали, либо ратифицировали, а значит, признали культурную неоднородность своего населения. Действительно, в межвоенной Европе идея культурной гомогенности играла значительную роль в национальном строительстве. Однако средством ее реализации зачастую была политика, названная Э. Геллнером «*Nacht und Nebel*» («Ночь и туман») и подразумевавшая насильственную ассимиляцию, депортацию и / или физическое истребление культурно отличных групп населения [Геллнер, 2002, с. 162, 169–170].

Во-вторых, при отсылках к «источнику суверенитета» и «основанию легитимности» возникает вопрос о разграничении дефиниций «нация», «народ» и «граждане государства». Здесь возможно тесное переплетение национализма, например с демократическими ценностями, т.е. своего рода «вкрапление» националистических идей в более широкий идеологический дискурс. Следует отметить, что некоторые авторы рассматривали национализм как часть иной идеологии. Например, Д. Конверси, интерпретируя идеи Л. Гринфелд, считает национализм ключевым элементом более широкой идеологической матрицы модернизма [Conversi, 2012, p. 14]. В целом национализм в качестве одной из составных частей можно обнаружить во многих идеологиях: фашизме, национал-социализме, буржуазном либерализме и даже в той версии социализма, которая возникла в СССР в середине 1930-х годов.

Таким образом, в современном мире восприятие национализма как самостоятельной идеологии является весьма спорным. Поэтому, на мой взгляд, целесообразнее говорить *не о национализме как идеологии, а об идее нации*, которая служит центральным элементом национализма во всех его видах и также имеет несколько различных интерпретаций.

Ab natio

В своей работе «Нации и национализм после 1780 года» Э. Хобсбаум подчеркивает, что нынешнее понимание нации как политического сообщества начало формироваться лишь в конце XVIII в. Его анализ справочных изданий наглядно демонстрирует, что до наступления Нового времени слово «нация» имело «примордиальный» оттенок и означало род или происхождение. При этом он отмечает, что «в тех случаях, когда идея “происхождения” относилась к группе людей, этими людьми редко могли быть те,

кто представлял государственную власть». В тех же случаях, «когда имелась в виду территория “происхождения”, последняя лишь случайно могла совпасть с определенной политической единицей и никогда – с крупным государственным образованием» [Хобсбаум, 1998, с. 27]. Другими словами, в этот период термин «нация» никоим образом не был связан ни с государством, ни с какой-либо идеологией. Поэтому «идея „нации” – в ее современном, преимущественно политическом смысле – по меркам истории еще весьма молода» [там же, с. 31].

Современные представления о нации складывались постепенно и во многом зависели от тех идей, которые зарождались в умах европейских интеллектуалов. Э. Хобсбаум выделяет несколько исторических этапов, каждому из которых свойственны своя идея нации и собственный способ ее претворения в жизнь.

Первую версию современной идеи нации Э. Хобсбаум назвал *«революционно-демократической»*. Ее появление явилось прямым следствием французской и американской революций, поставивших знак равенства между народом и государством. Такое отождествление позволило сделать нацию территориальной и политической, т.е. «привязанной» к пространству и властным органам определенного государства [Хобсбаум, 1998, с. 32–34]. Возникло первое политическое значение слова «нация», под которым понималось сообщество сограждан. Это был политический проект формирования «горизонтального братства» посредством предоставления равных гражданских прав и наделения равными гражданскими обязанностями жителей определенной страны.

Изначально такая идея «революционной нации» не имела ничего общего с более поздними националистическими программами XIX в., подразумевавшими образование национальных государств на основе «этнической принадлежности, общности языка, религии, территории и исторических воспоминаний» [Хобсбаум, 1998, с. 35]. Однако «чем энергичнее настаивала нация на своем единстве и неделимости, тем больше проблем порождала ее внутренняя неоднородность». Поэтому одним из средств гомогенизации в постреволюционную эпоху стала языковая унификация. Так, во Франции усвоение французского языка начало рассматриваться как одно из условий «полноправного гражданства» [там же, с. 36–37].

В современном мире существуют страны, которые, несмотря на все социально-политические изменения, остаются верными

идее нации как со-гражданства. В первую очередь к ним относятся Франция и США. В отечественной истории мы также можем обнаружить попытки привнесения в политическую риторику такого восприятия нации. Так, в своем первом послании Федеральному собранию в феврале 1994 г. президент Б. Ельцин заявил, что основой для согласия в обществе является «принятая всенародным голосованием Конституция», в которой заложено «понимание нации как согражданства»¹ [Ельцин, 1994].

В период с 1830 по 1880 г. в Европе, по мнению Э. Хобсбаума, доминирующим стало новое, «*националистическое*» восприятие нации. Теперь нация начала пониматься как крупное историческое сообщество, имеющее политическое оформление в виде национального государства. Данное восприятие, с одной стороны, не противоречило предыдущему революционно-демократическому. Оно также подразумевало знак равенства между нацией и сообществом граждан. С другой стороны, если до этого нация представляла собой производную от гражданства, то теперь гражданство стало восприниматься как производная от проектов² неких исторических общностей [Хобсбаум, 1998, с. 38]. Другими словами, теперь посредством реализации ирредентистских проектов государства должны были формироваться под потенциальные нации, а не наоборот.

Центральной стала идея возвращения в «золотой век» прошлой великой государственности и восстановления былого величия страны и ее народа. Ярким примером такого восприятия нации

---

¹ Данная идея перед этим неоднократно озвучивалась главой Государственного комитета по делам национальностей В. Тишковым. Однако в период, когда он занимал этот пост, по словам самого В. Тишкова, «понятие нации как многоэтнической государствообразующей общности отсутствовало, уступив место этнонациональной идее» [Тишков, 1996, с. 6]. В 1993 г. идея нации как согражданства начала звучать в высказываниях высокопоставленных чиновников. В этот же период началось активное использование представителями федеральной политической элиты термина «россияне» [Пантелеев, 1999].

² Здесь я использую термин «проект», поскольку в реальности единых культурно-лингвистических общностей на период зарождения националистического национализма не существовало. В тот момент национальное самосознание, как правило, было присуще лишь очень ограниченному числу представителей потенциальных наций. Наглядным примером этому служит цитируемая многими исследователями наций и национализма фраза Массимо Д'Адзельо: «Италию мы уже создали, теперь нам надо создать итальянцев».

является Германия, которая на протяжении XIX и XX вв. неоднократно реализовывала ирредентистский проект: в первый раз во времена Бисмарка, затем в период Третьего рейха (претензии на Гданьск, Мемель; аншлюс Австрии и т.д.). Наконец, объединение ФРГ и ГДР может также рассматриваться как приверженность националистическому восприятию нации. Идея возвращения в «золотой век» до сих пор актуальна для ряда государств Европы. Например, риторика о восстановлении «Великой Венгрии» не является маргинальной для представителей многих политических сил страны [Fowler, 2004].

Идею нации как крупной исторической общности можно обнаружить и в российском политическом дискурсе. Например, преамбула действующей Конституции начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...». Прослеживается он и в дискуссиях и нормативных актах о соотечественниках за рубежом первого постсоветского десятилетия. Так, принятый в мае 1999 г. закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» отказал в праве претендовать на статус соотечественника потомкам «лиц титульных наций иностранных государств» (ст. 1 п. 2.). Другими словами, потомки бывших граждан России или СССР, являвшихся этническими русскими или этническими татарами, признавались соотечественниками, а потомки, например, этнических армян, немцев или евреев, являвшихся гражданами России или СССР, таковыми не считались [Nozhenko, 2006].

Ирредентистские проекты изначально ставили своей целью не только увеличение символического капитала – «возрождение» былого величия, – но и экономический рост. В середине XIX в. их идеологи считали, что национальное государство «должно было стать фактически „натуральной” единицей развития современного, либерального, прогрессивного и de facto буржуазного общества» [Хобсбаум, 1999, с. 121]. Это сближало национализм с буржуазным либерализмом. Казалось, что формирование национальных государств существенно изменит политическую карту Европы и что мир наций будет либеральным, «а либеральный мир должен состоять из наций» [там же, с. 138].

Однако в конце XIX в. пути национализма и либерализма разошлись почти на полвека. Одной из причин этого стало появление национализма «малых» культурно-лингвистических общностей.

Парадокс ирредентистских проектов, призванных создать только крупные «исторические» нации, состоял в том, что национальное строительство автоматически порождало «контрнационализм» тех, кого принуждали к «выбору между ассимиляцией и подчиненным положением»¹. По меткому выражению Э. Хобсбаума, «век либерализма не понял этого парадокса» [Хобсбаум, 1999, с. 137–138]. Поэтому в последние два десятилетия XIX в., «в эпоху массовой политики и демократизации европейских государств» [Хобсбаум, 1998, с. 72] в Европе начало формироваться *политическое* восприятие нации. При этом можно говорить о появлении двух разных сценариев претворения в жизнь данной идеи. Первый сценарий – это национализм «малых» групп, второй – радикальный национализм в рамках уже существующих национальных государств.

Идея нации в рамках политического национализма «малых» групп имела по меньшей мере два основных отличия от своей предшественницы. Во-первых, ушли в прошлое «историчность» (т.е. наличие в прошлом своих государственных образований) и «порог численности» населения (создаваемые нации должны были быть численно крупными), являвшиеся необходимыми условиями национального строительства в эпоху реализации ирредентистских проектов. Теперь каждая этническая и культурно-лингвистическая общность, считавшая себя нацией, «могла добиваться права на самоопределение», которое, по сути, означало «право образовывать на своей территории отдельное государство» [Хобсбаум, 1998, с. 163]. Поэтому, во-вторых, центральными идеями политического национализма «малых» групп становятся обособление и культивирование особенностей «общности» посредством реализации сепаратистских проектов.

В истории Европы конца XIX и всего XX в. можно обнаружить многочисленные примеры политического национализма «малых» групп, существенно перекроившие карту континента по меньшей мере дважды – после Первой мировой войны и после распада Восточного блока. Современными иллюстрациями «клас-

---

¹ По мнению ряда авторитетных исследователей наций и национализма [Смит, 2004; Андерсон, 2001 а; Хобсбаум, 1998], политический национализм стал во многом реакцией на языковую унификацию, которую начали проводить либо возникшие национальные государства, либо полиэтнические империи.

сического» политического национализма являются, например, непризнанные республики на постсоветском пространстве и Косово¹.

Политический национализм в рамках уже оформившихся национальных государств проявился в виде резкого политического сдвига «вправо, к „нации и флагу”» [Хобсбаум, 1998, с. 163]. Национализм из понятия, во многом связанного с либеральными идеями, «превратился в среде мелкой буржуазии в шовинистическое, имперское, агрессивно-ксенофобское движение, точнее – правый радикализм». В политический дискурс сам термин «национализм» вошел для «описания именно этой тенденции прежде всего во Франции, а несколько позднее и в Италии» [там же, с. 192–193]. Со временем такое представление о национализме закрепилося и в ряде других европейских стран, в том числе и в России. И практически в каждом европейском государстве можно найти радикальные политические группы и политические партии, отстаивающие принципы национальной исключительности и занимающие ксенофобские или даже расистские позиции.

Радикальная версия политического национализма, базирующегося на представлении об исключительности определенной общности и связанная с дискриминации «иных», на первый взгляд, имеет мало общего с национализмом «малых» групп, имеющим, как правило, свое практическое воплощение в виде «освободительных» движений. Однако пристальный взгляд на обе версии политического национализма позволяет сделать вывод о том, что схожего в них больше, чем различного. И в том и в другом случае центральной идеей в представлениях о нации является культивирование «отличия от других». Поэтому зачастую реализация сепаратистских проектов оборачивалась возникновением новых очагов межэтнической напряженности. Поскольку на большей части европейского континента никогда не было компактного расселения этнических групп, то «всякие (выделение Э. Геллнера.) политические границы шли вразрез с чьими-то интересами и были несправедливы в самом очевидном смысле этого слова». В отношении же Восточной Европы «бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна» [Геллнер, 2002, с. 168–169]. В этой части континента даже разрушение континентальных империй как «тюрем народов» приводило к образованию новых «тюрем» для этнических меньшинств.

---

¹ Очевидно, что этот список даже в Европе намного шире.

В современном мире еще одним аргументом в поддержку тезиса о схожести двух версий политического национализма может служить национальное строительство в ряде европейских государств, которые обрели независимость после распада СССР или Восточного блока. Например, появление категории «неграждан» в Латвии и Эстонии после выхода этих Балтийских стран из состава СССР рассматривается рядом аналитиков и политических деятелей (как внутри, так и за пределами этих стран) как проявление радикального национализма¹. С другой стороны, как будет показано далее, проведение подобного политического курса является прямым следствием идеи обособленности, выступающей центральным элементом национализма «малых» групп.

Итак, к началу XX в. оформились три основных представления о нации: революционно-демократическое (нация = граждане государства), националистическое (нация = крупная историческая общность) и политическое в двух версиях – национализм «малых» групп и радикальный национализм (нация = особая культурная общность). Все эти представления проявляли себя с разной степенью интенсивности в различных регионах мира на протяжении всего прошлого столетия (иногда это происходило даже в границах одного государства в разные исторические моменты).

Однако на рубеже 1980–1990-х годов силу стала набирать идея постнационального мира. По мнению Э. Хобсбаума, в конце XX в. национализм перестал быть «глобальной перспективой развития или всеобщей политической программой». Он считал, что нации или этнические / языковые группы в будущем отступят «на второй план перед лицом нового супранационального преобразования мира», будут сопротивляться ему, поглощаться им или адаптироваться к нему [Хобсбаум, 1998, с. 302–303]. А значит, начнет происходить и постепенный отказ от прежних представлений о

---

¹ Большое количество оценок политики по отношению к русскоязычному населению в Латвии и Эстонии сами грешат определенным радикализмом. Нередко можно встретить такие характеристики, как «геноцид» и «истребление». Поэтому наиболее уместным, на мой взгляд, является приведение более взвешенных суждений о положении русскоязычного населения в двух странах Балтии. Например, данная тема неоднократно звучала в Послании президента Б. Ельцина Федеральному собранию. А в 1999 г. он квалифицировал политику двух стран Балтии как дискриминацию: «Мы не снимем с повестки дня проблему дискриминации русскоязычного населения Латвии и Эстонии» [Nozhenko, 2006].

нации, на смену которым должно прийти новое осознание устройства человеческих сообществ. Несмотря на то что в последние несколько лет такого рода прогнозы звучат все реже, важным остается вопрос о том, что представляют собой современные идеи нации. Другими словами, происходит ли трансформация представлений о нации в связи с теми процессами, которые зачастую обозначаются термином «глобализация»?

Что такое «глобальный мир»?

В последнее десятилетие прошлого века понятие «глобализация» прочно вошло в общественно-политический обиход. Как правило, данный термин используется при описании интеграционных процессов в экономике, а с конца 1990-х годов – после первого массового выступления в Сиэтле во время проведения там конференции ВТО – нередко его используют в связке с антиглобализмом. Глобализация стала и «предметом изучения почти всех общественных дисциплин, получила статус междисциплинарного явления» [Блинов, 2003, с. 35]. Несмотря на это, до сих пор ни в обществе, ни в научной среде нет однозначного понимания того, что же такое глобализация и когда она возникла: «Глобализацию представляют и как процесс, и как новую идеологию, и как этап развития человеческой цивилизации, и как неизбежную стадию исторической динамики» [там же, с. 38].

При описании экономических процессов нередко говорят о глобальном капиталистическом рынке, ключевым игроком которого являются транснациональные корпорации. В качестве признаков глобализации рассматриваются различного рода международные структуры (Всемирный банк, ВТО, Европейский союз, ООН, ОБСЕ и т.д.). «Симптомами» глобального мира считают и международное законодательство, и военно-политические союзы, например НАТО [Holton, 1998, p. 106]. Такой взгляд на глобализацию становится питательной почвой для той версии политического национализма, которая наличествует в уже существующих национальных государствах. Так, нередко современные правые партии в своих программах подвергают ожесточенной критике интегрированную экономику и различные политические и военные союзы, в которых состоят их страны. Они декларируют необходимость защиты «собственных» производителей и рынков от транснациональ-

ных и иностранных корпораций, стоят на страже политического суверенитета. Однако для других форм реализации существующих представлений о нации такое восприятие глобальных процессов оказывается практически незаметным.

Еще одним свидетельством глобализации считается появление современных средств массовой коммуникации, разрушающих не только определенную замкнутость прежних информационных полей, но и ментальные границы сообществ. По мнению У. Бека, «культурная глобализация перечеркивает отождествление национального государства с национально-государственным обществом», поскольку индивиды начинают идентифицировать себя и с общемировым, и с локальным / этническим сообществами [Бек, 2001, с. 89]. Тем не менее, как показывают опросы общественного мнения, даже для жителей Европейского союза свойственно отождествление себя в первую очередь с собственным национальным сообществом, а не с объединенной Европой¹ (не говоря уже об общемировом сообществе).

На первый взгляд, кажется, что глобализация и супранациональное преобразование мира суть синонимы. Однако анализ научных подходов к исследованию глобализации ставит под сомнение такое отождествление. В целом в исследованиях глобализации можно выделить по меньшей мере четыре основные парадигмы, дающие разные ответы на два центральных вопроса: (1) что представляет собой глобализация; (2) когда глобализация возникла?

С точки зрения парадигмы «исторического поиска глобальных структур и сетей» глобализация представляет собой межконтинентальные и кросскультурные сети взаимодействия. Она является достаточно «старым» феноменом, появление которого относят к рубежу XV–XVI вв. или даже к III столетию [Holton, 1998, p. 24–33]. Вторая парадигма базируется на *представлении о «мире как едином месте»*, которое начало формироваться в Европе в XV в. В рамках этой парадигмы глобализация предстает как процесс распространения идеи о том, что государства и сообщест-

---

¹ По данным Евробарометра, в период с 1992 по 2005 г. в среднем исключительно национальная идентичность была присуща 41% респондентов – граждан ЕС. 45% опрошенных считали, что они есть и будут в «недалеком будущем» оставаться в первую очередь представителями своей нации и только потом – европейцами [Ноженко, 2007, с. 165].

ва могут кооперироваться или не кооперироваться друг с другом, но всегда соотносят себя с другими [Holton, 1998, p. 35–36]. Третья парадигма определяет глобализацию как наступление эпохи *«западной современности»* и исходит из разделения мировой истории на современный, западный, индустриальный мир и миропорядок до него. В рамках этого подхода существует два взгляда на начало глобализационных процессов. По одной из версий они начались примерно 500 лет назад с экспансии западного капитализма в XVI столетии. По другой версии «возраст» глобализации составляет примерно 200–250 лет, а датой ее «рождения» считается индустриальная революция [Holton, 1998, p. 42–43]. Сторонники последней парадигмы считают, что глобализация характеризуется *«сжатием времени и пространства»* в результате развития новых средств коммуникации и является достаточно новым феноменом, продуктом двух последних столетий [Holton, 1998, p. 8].

Таким образом, научные подходы к исследованию процессов глобализации скорее опровергают тезис о синонимичности глобализации и супранационального преобразования мира. С точки зрения всех четырех парадигм глобализация либо появилась раньше зарождения представлений о нации, либо является их ровесницей. Следовательно, идеи нации возникли в глобальную эпоху и смогли найти в ней свое практическое воплощение. Но значит ли это, что данные представления не претерпевают никаких изменений в современном мире? И следует ли из этого, что не происходит трансформации способов претворения в жизнь этих идей?

Идеи нации в современном контексте

В последние десятилетия многие государства Европы в очередной раз столкнулись с проблемой культурной неоднородности. Данная проблема стала следствием целого ряда процессов – образования новых государств / восстановления прежней государственности в результате распада СССР и СФРЮ, трудовой миграции, контрколонизации¹, политической нестабильности в ряде регионов мира и т.д. Если в межвоенной Европе для приведения в

---

¹ «Контрколонизация» – термин, введенный Л. Сморгунным для описания процессов массовой миграции жителей бывших колоний в бывшие метрополии [Сморгунов, 2003, с. 149].

соответствие политических и культурных границ страны нередко использовали уже опоминавшуюся политику «Nacht und Nebel», то теперь они не имеют такой возможности. Поэтому государства были вынуждены искать иные, более мягкие способы продолжения «старых» курсов национального строительства.

Во многих государствах, где изначально укрепилась *революционно-демократическая* идея, до сих пор доминирует представление о членах национального сообщества как политически равных индивидах, являющихся носителями одной культуры. Наделение гражданством, в первую очередь на основании принципа почвы, и отсутствие этнических приоритетов в процедуре натурализации мигрантов выступают в качестве одной из основных стратегий реализации идеи нации как со-гражданства. Однако, как показало время, такой курс имеет несколько важных последствий. Во-первых, это наличие существенного числа граждан – натурализованных мигрантов и / или их потомков, – которые считают себя носителями иных культурных образцов и настаивают на своем праве реализации собственных культурных запросов. Вторым следствием является возникновение «нового трайбализма» – представлений о нации как не о политическом, а, в первую очередь, «кровно-культурном сообществе». В некоторых странах эти представления стали основой для формирования политических партий, стремившихся, в том числе, ограничить число мигрантов и защитить тем самым «автохтонное население».

Ярким примером государства, столкнувшегося на практике с обоими из указанных последствий, может служить Франция, где одним из ответов на контрколонизацию стало появление уже в 1972 г. «Национального фронта», в риторике которого содержалось отрицание достижений Французской революции и ее принципов «свободы, равенства и братства». Сейчас партия выступает с критикой глобальной экономики и «колонизации Европы иммигрантами африканского и азиатского происхождения» [Литвяк, 2013]. В ее истории есть по меньшей мере два существенных электоральных успеха: второе место на президентских выборах тогдашнего лидера «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пена в 2002 г. и получение поддержки 17,9% избирателей его дочерью, новым руководителем партии, Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 г. Однако в целом сторонников идеологии «Национального фронта» во Франции не очень много. Партии не удалось

пройти в 2007 г. в национальный парламент, а на выборах в Европейский парламент 2009 г. она получила только три мандата (6,3% голосов) [Литвяк, 2013].

Также во Франции в последнее десятилетие актуальна и проблема конфронтации между основной частью населения и гражданами, являющимися носителями иных культурных образцов. Наиболее отчетливо это противостояние проявилось в общественной дискуссии вокруг закона о запрете на ношение в школах, колледжах, лицеях отличительных знаков религиозной принадлежности, разделившей французское общество. Но несмотря на жаркие общественно-политические дебаты, Франция лидирует среди других стран по числу сторонников запретов на ношение хиджабов в общественных местах. Согласно опросам общественного мнения, в 2006 г. во Франции эту идею поддержали 78%, в то время как в Великобритании – только 29% респондентов [Morin, Horowitz, 2010].

Таким образом, понимание нации как со-гражданства сохраняется в современном контексте практически без каких-либо изменений, несмотря на те сложности, которое вызывает ее претворение в жизнь. Не сильно изменились и способы практического воплощения данной идеи. Современные государства по-прежнему отказываются признавать факт культурной диверсификации, издавая законы, запрещающие демонстрацию культурных отличий. Доминирующими здесь, как и прежде, являются «принцип почвы» и проведение этнически слепой политики натурализации.

Не потеряла своей актуальности и *националистическая* идея, центральным элементом которой является представление о нации как исторической общности. При таком взгляде на нацию актуальным становится вопрос о зарубежных диаспорах, которые составляют культурно / лингвистически / этнически «свои» жители других стран. Изначально, как уже было отмечено, основным способом «собираения воедино» членов нации являлся ирредентизм – объединение государств и / или частей тех или иных государств, на территории которых проживали представители одной исторической общности. Однако реализация ирредентистских проектов в чистом виде имеет сейчас ряд существенных ограничений, в первую очередь, вызванных сложностью отчуждения части других государств. В связи с этим нынешние государства Европы используют иные способы претворения в жизнь идеи нации как исторической общности.

К таким способам относится, в первую очередь, доминирование принципа крови при наделении гражданством, что влечет за собой в ряде случаев и этническую «репатриацию». Одним из примеров здесь может служить политика Германии, направленная на возвращение на историческую родину этнических немцев, проживающих за пределами ФРГ. В качестве проявления реализации националистической идеи может рассматриваться особая политика в отношении соотечественников за рубежом, которую можно охарактеризовать как «мягкий ирредентизм». Иллюстрацией в данном случае может служить случай Венгрии, потерявшей две трети своей территории после подписания Трианонского мирного договора в 1920 г. Тогда население этой части империи Габсбургов сократилось почти в 2,5 раза, и до сих пор в сопредельных с Венгрией государствах проживают 2,5 млн. этнических венгров [Строгальщикова, 2009, с. 320].

В межвоенный период венгерскому государству удалось частично реализовать ирредентистский проект, вернув себе часть территорий, однако после Второй мировой войны условия Трианона были почти полностью восстановлены. Тем не менее Венгрия не отказалась от прежнего понимания нации. Напротив, представления о нации как исторической общности были нормативно закреплены уже в конце 1940-х годов. Так, одно из положений Конституции 1949 г. гласило: «Венгерская Республика чувствует ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, и способствует культивированию их связей с Венгрией» [Историческая конституция Венгрии, 2008]. С конца 1980-х годов государство проводит последовательную политику в отношении соотечественников за рубежом, обеспечивая тем самым единство исторической общности при несовпадении культурных и политических границ. Таким образом, мягкий ирредентизм позволяет реализовать на практике идею нации как исторической общности, не прибегая при этом к изменению политических границ.

В современном мире продолжает существовать и *политическая* идея, базирующаяся на представлениях о нации как особой общности. Политический национализм в рамках уже существующих национальных государств выражен в деятельности правых партий, занимающих в ряде случаев откровенно ксенофобские или расистские позиции. В то же время реализация на практике национализма «малых» групп претерпела в Европе существенные изме-

нения. Если в конце XIX – начале XX в. основным способом превращения в жизнь идеи особой общности являлась сецессия, то сейчас осуществление сепаратистских проектов в их прежнем виде – как демонстрируют примеры Косова, Приднестровья, Абхазии и т.д. – весьма затруднительно. В целом существует два различных сценария реализации политического национализма «малых» групп, характерных для современных государств Европы.

Первый сценарий можно назвать «демократическим размежеванием» особых общностей в границах одного государства. Его основная форма – предоставление широкой политической автономии сообществам. Одним из наиболее показательных примеров в данном случае может служить Бельгия, которая в результате последовательного проведения конституционных реформ превратилась в «демократическое *многонациональное* (курсив Х. Линца и А. Степана) государство» [Линц, Степан, 1997, с. 16]. В научной литературе такое общественно-политическое устройство получило название «общественная демократия» [Лейпхарт, 1997]. Основная цель общественной демократии, по А. Лейпхарту, – это поддержка политической стабильности в многосоставных обществах. При этом он не отрицает, что со временем одним из результатов функционирования такой системы может стать демократическое разделение государства на несколько частей, поскольку «общественная модель является промежуточной между унитарной... моделью и моделью межгосударственных отношений» [там же, с. 190].

На первый взгляд кажется, что современная Бельгия приближается к такой точке развития общественной демократии. С 2007 г. страна регулярно оказывается в состоянии политического кризиса, вызванного разногласиями между фламандскими и валлонскими политическими группами. После досрочных парламентских выборов в июне 2010 г., на которых победу одержал выступающий за раздел страны на Фландрию и Валлонию «Новый фламандский альянс», в СМИ началась дискуссия о возможном распаде государства¹. Однако опросы общественного мнения, проведенные осенью этого же года, показали, что подавляющее боль-

---

¹ Одним из показательных примеров может служить статья в «Time» от 30 июня 2010 г. «No love lost: Is Belgium about to break in two?» [м.: Cendrowicz, 2010].

шинство фламандского населения (60%) выступает против раздела страны [Schoenauen, 2010]. Таким образом, можно ожидать, что широкая политическая автономия в рамках государства в обозримом будущем останется одним из основных способов реализации на практике идеи нации как особой общности.

Второй сценарий предполагает максимально возможную, но при этом демократическую ассимиляцию «иных», при апеллировании к праву одной (центральной) группы на политическую автономию. Одним из примеров в данном случае может служить постсоветская Эстония, на территории которой после распада СССР оказалось большое количество русскоязычного населения. Здесь этнические эстонцы были признаны «титულным ядром нации», а сама страна – «их естественной родиной» [Smith, 1998, p. 95–96]. В связи с этим в начале 1990-х годов были приняты нормативные акты, закрепившие для большей части населения Эстонии существенные ограничения в автоматическом наделении гражданством. Одним из самых существенных препятствий на пути натурализации был (и отчасти до сих пор является) тест на знание государственного языка, которым в Эстонии был признан только один язык – эстонский.

В 1992 г. в Эстонии к категории «лица без определенного гражданства» было причислено 38% населения страны [Polishuk, 2004]. За первое постсоветское десятилетие кто-то из этих людей эмигрировал, часть из них прошла процедуру натурализации в Эстонии, а некоторые постоянные жители получили российское гражданство. И уже к 2000 г. количество «неграждан» в Эстонии снизилось до 13% [Polishuk, 2004], а на 1 июня 2013 г., по официальным данным, составляло уже 6,8% населения страны [Citizenship, 2013]¹.

Несмотря на критику со стороны различных как внешних (России, ЕС, Совета Европы), так и внутренних акторов (русскоязычные партии и НКО внутри страны), на протяжении последних 20 лет Эстония последовательно претворяет в жизнь принципы политического национализма. Смягчаются лишь способы реализации выбранного курса – от достаточно жесткой позиции в отноше-

---

¹ Вместе с тем нельзя говорить о том, что количество «неграждан» за последние годы сократилось только благодаря натурализации в Эстонии. Возросло и число иностранных граждан, постоянно проживающих на территории страны, т.е. людей, принявших, например, российское гражданство.

нии «советских переселенцев» в начале 1990-х до интеграционных программ для русскоязычного населения 2000-х годов.

Заключительные замечания

К началу XX в. сложились три основных представления о нации: как сообществе сограждан, как исторической общности и как особой общности. Все эти представления продолжают существовать в современном мире, не претерпев особых изменений. На данный момент на европейском континенте можно обнаружить страны, последовательно придерживающиеся идеи нации как согражданства, государства – приверженцы идеи историчности национального сообщества, и нации, формирующиеся вокруг идеи особенности той или иной культурной / лингвистической / этнической группы.

Те процессы, которые зачастую относят к признакам глобализации – мировой рынок, международные организации, транснациональные корпорации и наднациональные объединения, – фактически не оказали никакого влияния на сложившиеся представления о нации и способы претворения этих представлений в жизнь. Они лишь добавили дополнительных аргументов в риторику праворадикальных партий, защищающих особость собственных национальных сообществ. И, как показывают академические исследования, глобализация, скорее всего, появилась раньше (или является ровесницей) существующих представлений о нации. А значит, нации и представления о них не находятся в противоречии с тем, что принято называть «глобальным миром».

Скорее всего, основными факторами, влияющими на претворение в жизнь идей о нации в современной Европе, являются демократические нормы и существующее на данный момент международное законодательство. Поэтому на смену «жесткой» ирреденте приходит «мягкий ирредентизм». Вместо политики «*Nacht und Nebel*» используются сложная процедура натурализации и политика интеграции «иных». Все большее распространение приобретают наделение политической автономией различных сообществ внутри государства и длительные конституционные реформы, постепенно заменяющие собой в чистом виде сепаратистские проекты.

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001 а. – 288 с.
- Андерсон Б.* Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? – 2001 б. – Режим доступа <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html> (Дата посещения: 09.07.2013.)
- Бек У.* Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
- Блинов А.С.* Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирования глобального порядка. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 150 с.
- Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практис, 2002. – С. 201–235.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практис, 2002. – С. 146–200.
- Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с.
- Ельцин Б.Н.* Послание Президента РФ Федеральному собранию «Об укреплении российского государства» // Российская газета. – М., 1994. – 25 февраля. – С. 1–5.
- Историческая конституция Венгрии* // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – 2008. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/172> (Дата посещения: 09.07.2013.)
- Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – 140 с.
- Лейхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской.. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 288 с.
- Лицц Х., Степан А.* Государственность, национализм и демократия // Полис. – М., 1997. – № 5. – С. 9–30.
- Литвяк О.И.* Причины электорального успеха правоэкстремистских партий на выборах в Европейский парламент 2009 г.: случаи Румынии, Франции, Венгрии и Великобритании. – 2013–137 с. – Рукопись. Личный архив автора.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
- Мишлер А.И.* Национализм как теоретическая проблема: Ориентация в новой исследовательской парадигме // Полис. – М., 1995. – № 6. – С. 55–60.
- Ножненко М.В.* Национальные государства в Европе. – СПб.: Норма, 2007. – 343 с.
- Пантелеев С.Ю.* Государственная идеология в постсоветской России // Российское государство и общество. XX век / Муромцева Л.П., Байбаков С.А., Барсенков А.С., Леонова Л.С. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 417–438.
- Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. – М.: Практис, 2004. – 466 с.

- Сморгунов Л.В.* Политическое управление в глобализирующемся мире // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под. ред. Парцевания В.В. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 148–259.
- Строгальщикова П.Б.* Влияние Трианонского мирного договора на формирование политики Венгерской Республики по защите соотечественников и диаспоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 101. – С. 320–325.
- Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / РАН. Ин-т этнологии и антропологии. – М., 1996. – Вып. 100. – 37 с.
- Хванова О.В.* Два века европейского национализма. Что дальше? (Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г.: программа, миф, реальность) // Национализм и формирование наций: теории – модели – концепции / Институт славяноведения и балканистики РАН; Международный фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись»; Отв. ред. А.И. Миллер. – М., 1994. – С. 44–58.
- Хобсбаум Э.* Век капитала, 1848–1875. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 480 с.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
- Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 332–346.
- Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 121–145.
- Breuilly J.* Nationalism and the state. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1994. – 447 p.
- Cendrowicz L.* No love lost: Is Belgium about to break in two? // Time. – Brussels, 2010. – June, 30. – Mode of access: <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,2000517,00.html> (Дата посещения: 10.07.2013.)
- Conversi D.* Modernism and nationalism // Journal of political ideologies. – L., 2012. – Vol. 17, N 1. – P. 13–34.
- Citizenship* // Estonia.eu. – Mode of access: <http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html> (Дата посещения: 10.07.2013.)
- Fowler B.* Fuzzing citizenship, nationalising political space: A framework for interpreting the Hungarian «Status law» as a new form of kin-state in central and eastern Europe // The Hungarian status law: Nation building and / or minority protection. – Sapporo: Slavic research center: Hokkaido univ., 2004. – P. 177–238.
- Holton R.J.* Globalization and the nation-state. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – 232 p.
- Morin R., Horowitz J.M.* Europeans debate the scarf and the veil // Pew research center. – 2006. – November, 20. – Mode of access: <http://www.pewglobal.org/2006/11/20/europeans-debate-the-scarf-and-the-veil/> (Дата посещения: 10.07.2013.)
- Nozhenko M.* Motherland is calling you. Motives behind and prospects for the new Russian policy on compatriots abroad // Lithuania foreign policy review. – Vilnius, 2006. – N 2 (18) – P. 83–99.

- Polishuk V.* Non-citizens in Estonia: Report. – Tallinn: Legal information centre for human rights, 2004. – 57 p.
- Schoenauen A.* Flamen wollen keine Spaltung, Frankophonen denken an Plan B // BRF. – 2010. – September, 13. – Mode of access: <http://brf.be/nachrichten/national/132138/> (Дата посещения: 10.07.2013.)
- Smith G.* National re-building and political discourses of identity politics in the Baltic States // Nation-building in the post-Soviet borderlands / G. Smith et al. (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – P. 93–118.
- Tilly Ch.* States and nationalism in Europe, 1492–1992. // Theory and society. – L., 1994. – Vol. 23, N 1. – P. 131–146.